

ЕСТЬ ЛИ ШАНС У ПОРЯДОЧНЫХ И УМНЫХ?

Данные опроса, опубликованного недавно в «ОГ» (№6, 1996 г.), говорят о том, что на первом месте среди качеств, которыми, по мнению наших сограждан, должен обладать президент России, стоят ум и честность. Опыт руководителя, воля, лидерские способности, обаяние и др. ценятся значительно меньше. Ничего удивительного в высокой оценке ума и честности нет. Удивительно другое — разительное расхождение между этими предпочтениями и реальностью нашей политической жизни.

Писать об уме и честности политиков не принято. Особенно не принято писать об уме — существует табу на слово «дурак» и даже на его смягчающие замены типа «недостаток интеллекта». Во-первых, наша культура склонна излишне высоко оценивать интеллект, так что назвать человека негодяем у нас — меньшее оскорбление, чем сказать, что он не очень умен. Во-вторых, интеллект — нечто неопределенное, измерить его невозможно, и, если допустить в политический диалог слово «дурак», он легко превратится в вариант базарной или кухонной склоки. И тем не менее это табуирование несколько чрезмерно. Ведь запрет на обсуждение интеллектуального уровня политиков фактически является запретом на анализ и обсуждение очень важного среза политической жизни. Попробуем рассмотреть наших главных претендентов на президентское кресло (по общему мнению — это Зюганов и Ельцин), не нарушая, однако, этого табу. Наша задача облегчится, если мы объединим в нашем рассмотрении интеллект и честность (как они соединены в данных опросах).

Зюганов — политик, еще никогда не бывший у власти. Поэтому основные подвиги у него, очевидно, впереди. Я тщательно избегаю негативных оскорбительных оценок, но думаю, что имею право на простые и ясные вопросы. Каким, например, интеллектом и (или) честностью должен обладать человек, который называет ельцинский режим оккупационным, говорит о чиновниках из МВФ как о новых фашистских гауляйтерах и тут же с ходу обещает западным капиталистам лучшие условия для инвестиций, чем при Ельцине? Каким должен быть человек, который говорит о горбачёвской перестройке, как о предательстве социализма, и одновременно обещает снизить налоги «новым русским» предпринимателям? Есть только три варианта ответа на эти вопросы: 1) этот человек в силу особенностей своего интеллекта не видит здесь никаких противоречий; 2) он врет западным и отечественным капиталистам; 3) он врет своим товарищам по партии и избирателям.

Я также не буду давать оценок уму и честности Ельцина. Я просто приведу общеизвестные факты. Ельцин — человек, дослужившийся до секретаря обкома и еще в 1988 г. бывший резко против положительного упоминания о Н.И. Бухарине («уклонисте» и «ревизионисте») в выступлении Горбачёва. Когда же затем возникает мощная антикоммунистическая волна и одновременно создается выборная система, требующая от политика, стремящегося к власти, ориентироваться на народные чувства, он становится яростным антикоммунистом. Его приход к верховной власти связан с уничтожением им тех самых структур (КПСС и СССР), на служении которым он до этого делал карьеру. Его окончательное утверждение у власти связано с разгоном того самого парламента, который избрал его своим председателем, и отменой той самой Конституции, по которой он был избран президентом России и быть преданным

которой он клялся. Ельцин — человек, в 1991 г. просивший прощения у народа за случайную гибель трех парней, в которой он и виноват-то не был, а в октябре 1993 г. устроивший в Москве стрельбу по Белому дому. Это — человек, в 1991 г. обещавший автономиям столько суверенитета, сколько они хотят, а в 1994 г. начавший войну в Чечне. И все это не сопровождалось никакими видимыми угрызениями совести. Действия Ельцина не выдерживают испытания самыми простыми нормальными человеческими вопросами. Между тем, если только Ельцин за оставшиеся месяцы не совершит новые подвиги типа победы в Первомайском (что, однако, совсем не исключено), президентом, скорее всего, будет снова он.

Мы приходим к очень интересному выводу — хотя, вроде бы, мы все хотим от будущего президента прежде всего ума и честности, на деле действует прямо противоположная система отбора. Почему же так получается?

Я думаю, это объясняется рядом причин. Первая причина — механизм отбора в предшествовавшую эпоху и созданный им «наличный материал» для отбора. Человек «с улицы» руководить государством не может — и потому, что у него нет для этого необходимых знаний, и потому, что он никому не известен. Материал для отбора — это всегда прежде всего наличная социальная и политическая элита. Что же у нас за элита? В отличие от таких стран, как Польша, где возникла мощная «диссидентская» контрэлита (существование которой, очевидно, благотворно влияло и на элиту коммунистическую), у нас таковой практически не было. Наша теперешняя элита — это в подавляющем большинстве перешедшая в «демократическую» идеологию элита позднесоветской брежневской эпохи. Механизм же отбора в элиту тогда был таков, что честные и (или) умные люди проникнуть в нее практически не могли. В господствовавшую идеологию уже никто не верил, и первый необходимый для карьеры минимальный акт — вступление в партию — уже был актом лжи (если же не актом лжи, значит, свидетельством глупости). И все следующие за этим актом ситуации «отбора наверх» систематически отсекали слишком умных и слишком честных. Думаю, что если бы можно было объективно сравнить ум и честность «среднего русского», человека с улицы и среднего позднесоветского райкомовца, обкомовца, академика-идеолога и т. д., средний русский оказался бы, наверное, честнее и умнее. Аморальность элиты очень способствовала победе демократии, ибо у нас практически не оказалось людей, готовых умереть (или даже пожертвовать своим благополучием) за СССР и КПСС, — аналогов белого офицества или французских роялистов. Но это же придало специфический «душок», «колорит» нашим демократии и рынку, которые были восприняты элитой как полное и окончательное освобождение от каких-либо моральных ограничений. Вот эта элита — позднесоветско-коммунистическая, брежневская, но деморализовавшаяся и распоясавшаяся, и составила основной материал для отбора наверх, теперь уже по демократической процедуре.

Но качество элиты — все же недостаточное объяснение, ибо и из наличной элиты мы очевидным образом склонны отбирать себе в начальство не лучших представителей. Здесь действует что-то связанное уже не со старым, бюрократически-партийным, а с новым, выборно-демократическим механизмом нашего отбора. Что же это?

Здесь необходимо одно предварительное замечание. Демократическое общество не может и не должно даже выбирать на руководящие посты особых умников и святых. Новые и сложные построения умников народ понять не может и понимать их не обязан. Кроме того, жизнь, история — сложнее любого ума, и чрезмерный ум, склонный к саморефлексии, теоретизированию, переходу от

мучительных сомнений к чрезмерной увлеченности какой-либо идеей, как и чрезмерная честность правителя, могут быть даже вредны и опасны. Поэтому Клинтон, Буш, Рейган и т. д. — все это не дураки и не подлецы, но и не самые умные и честные люди США. Тем не менее ясно, что у нас механизмы отбора действуют совсем иначе, чем в устоявшемся, упорядоченном демократическом обществе. Там они выносят наверх пусть не самых умных и благородных, но все же — людей выше среднего интеллекта и порядочности. У нас же — ниже среднего.

Я думаю, это связано с особенностями нашего социально-психологического состояния. Мы — взбудораженное, взбаламученное общество с резко меняющимися настроениями и очень противоречивыми стремлениями. Успешный демократический политик — это политик, стремящийся удержаться на плаву и не имеющий никакого личного серьезного идейного стержня, должен совершать немыслимые переходы от одних идей и типа поведения к противоположным.

Другой аспект нашего массового сознания — его противоречивость. Однако если у «среднего русского», в основном думающего о простых житейских делах, сочетание ностальгии по советским временам с принятием каких-то демократических и рыночных ценностей не носит ярко патологического характера, выглядит нормальным человеческим противоречием, то, когда оно же выражается Зюгановым, это приобретает уже гротескные и даже жутковатые формы. Изначальная, выработанная в брежневскую эпоху аморальность нашей элиты, ее привычка к вранью, утрата ею способности отличать правду и неправду, добро и зло и даже думать в этих категориях, помноженные на некоторую истерическую «лабильность» и повышенную противоречивость нашего массового сознания, приводит к выходу на первый план политической жизни людей, личная патология которых, как в кривом, многократно усиливающем уродства зеркале, отражает патологичность нашего сознания.

Отсюда — вывод. Для того, чтобы президентом России мог стать умный и честный человек (не мудрец и не святой — мудрецы и святые в этой роли и не нужны), нам надо пройти еще очень большой путь. Нам надо успокоиться, преодолеть основные противоречия своего сознания, сойдясь на ряде базовых принципов. Нужно долговременное действие демократических механизмов, которое в конце концов улучшит качество нашей элиты. И только после этого, очевидно, уже не при жизни теперешнего поколения, появится возможность честного и умного президента, которого мы так хотим. Пока же появление такого президента практически невероятно.